

A group of people are sitting around a campfire in front of a stone tower on a hillside. The tower has a small arched entrance and a decorative top. The background shows a vast, hilly landscape under a cloudy sky. The scene is lit with warm, golden light, suggesting dusk or dawn.

Петр Сойфер

Тайное желание

Петр Сойфер

Тайное желание

<https://litres.ru/74021556>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать участников закрытого форума отправляются в португальскую Синтру, чтобы исследовать психотопографию — карту сакральных состояний. Архитектор, патологоанатом, хирург, биолог, звукорежиссер и писатель — у каждого своя уникальная оптика восприятия, своя травма и свой невысказанный вопрос. В ночь весеннего равноденствия у заброшенного мегалитического кромлеха они собираются вокруг сине-зеленого костра, чтобы озвучить свои самые потаенные, стыдные желания. Но древнее капище отвечает им буквально. Пространство и время коллапсируют: реальность вскрывается как ткань на операционном столе, звуки до рождения звучат наяву, а хронология сминается, заставляя проживать чужие жизни. Двенадцать сознаний сплетаются в единый резонатор, пока за ними наблюдает загадочный тринадцатый. Глубокий психоделический триллер о границах человеческого «Я»..

Петр Сойфер

Тайное желание

ТАЙНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Психоделический триллер

Dr. Пётр Сойфер

2025

«Желание — это память о будущем.»

— Надпись на камне. Капище без названия, окрестности
Синтры

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СБОРКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СБОРКА

Глава 1. Психотопография

Говорят, что холмы вокруг Синтры помнят. Не в том смысле, в каком помнят люди — неточно, избирательно, с примесью желаемого. Холмы помнят иначе: всем своим ве-

сом, всей толщей гранита, всеми порами мха, впитавшего три тысячи лет дождей. Они не хранят воспоминания — они и есть воспоминание, окаменевшее и неподвижное, как будто время однажды решило остановиться именно здесь и больше не двигаться никуда.

Туристы, которые приезжают в Синтру, видят дворцы. Это простительно. Дворцы выстроены именно для того, чтобы их видели: розово-жёлтый Пена торчит над лесом как страница из детской книги о сказочных королевствах, Мавританский замок ощетинился зубцами в сторону Атлантики, Монсеррат спрятался в папоротниках и притворяется, что его не существует. Всё это — девятнадцатый век, романтизм, архитектурная лихорадка богатых людей, которым не хватало подлинности. Они строили красоту там, где красота уже была, — и тем самым её уничтожали.

Настоящая Синтра находится под дворцами.

Не в буквальном смысле — хотя геологические пласты здесь действительно сложены особым образом, граниты и сланцы чередуются с известняком так, что холмы резонируют на частотах, которые человеческое ухо не различает, но тело ощущает как необъяснимую тревогу или необъяснимый покой. Настоящая Синтра — это то, что осталось от той цивилизации, которая пришла сюда раньше всех и ушла, не оставив имени.

Они оставили камни.

В радиусе тридцати километров от центра Синтры зафик-

сировано более двухсот мегалитических объектов: менгиры, анты, дольмены, кромлехи, плиточные могилы, разрозненные стоячие камни без очевидной функции. Это один из крупнейших мегалитических концентратов на Пиренейском полуострове. Большинство из них не внесено ни в один туристический маршрут. Часть не имеет официальных названий. Некоторые заросли кустарником так плотно, что их невозможно обнаружить, не зная, где искать. Они стоят в частных владениях, на склонах, которые не значатся ни на одной карте, в перелесках между виноградниками, в расщелинах, куда свет добирается только в самые длинные дни июня.

Никто не знает, зачем их поставили.

Официальная наука предлагает несколько версий: места захоронений, маркеры границ, ритуальные пространства, навигационные ориентиры. Все эти версии правдоподобны и все они — неполны. Потому что ни одна из них не объясняет главного: почему именно здесь. Не в долинах — удобных, плодородных, защищённых. Не у рек. Не на перекрёстках дорог. Именно на этих холмах, именно в этих расщелинах, именно там, где земля выходит из-под почвы обнажённым гранитом и смотрит в небо без стыда и без посредников.

Есть люди, которые изучали расположение синтрийских капищ не как археологи, а как математики — или как картографы сознания. Они прокладывали линии между объектами и обнаруживали, что эти линии не совпадают ни с линиями в традиционном понимании, ни с геологически-

ми разломами, ни с направлениями господствующих ветров. Они совпадают с чем-то другим — с чем-то, для чего пока нет точного слова. Условно это называют психотопографией: картой не пространства, а состояний. Каждый объект настроен на определённую частоту переживания. Один — на горе. Другой — на трансформацию. Третий — на то непередаваемое чувство, которое возникает в момент, когда понимаешь, что твоя жизнь разделилась на до и после, но ещё не знаешь, по какую сторону разлома ты стоишь.

Разумеется, это не наука. Это именно то, что называется маргинальным знанием — знанием, которое существует на краях академических дисциплин, в частных письмах, в непубликуемых диссертациях, в разговорах между людьми, которые слишком умны, чтобы говорить об этом открыто, и слишком честны, чтобы делать вид, что ничего не замечают.

Именно там — в этом пространстве маргинального знания, в промежутке между тем, что можно доказать, и тем, что невозможно отрицать, — и существовал форум.

Он не имел официального названия. Участники называли его по-разному: «архив», «лаборатория», «кружок», иногда просто «место». Технически это был закрытый раздел одного из старых русскоязычных форумов, посвящённых альтернативной истории и сакральной географии, — из тех, что возникли в начале нулевых и каким-то образом выжили, когда все вокруг перешли в социальные сети. Форум был антикварным артефактом: древний движок, кириллица в коди-

ровке ср1251, аватары размером двадцать на двадцать пикселей. Но именно его архаичность создавала особую атмосферу — ощущение, что разговор здесь ведётся вне времени, что сообщения, написанные десять лет назад, не менее актуальны, чем написанные вчера.

Закрытый раздел был доступен только по приглашению. Правила вступления не были нигде прописаны — их передавали устно, от участника к участнику, как передают рецепты или молитвы. Нужно было написать что-то такое в открытом разделе, что давало понять: этот человек видит то, что большинство не видит. Не потому что он умнее. А потому что он иначе настроен.

Двенадцать человек, которые в конечном итоге окажутся у Кремля в ночь весеннего равноденствия, нашли друг друга именно там — в этих нитях разговоров, тянувшихся через годы, через языковые барьеры, через континенты. Они писали о Синтре. О капищах. О том, что называли — каждый своими словами — «местами силы», хотя большинство ненавидело это выражение за его нью-эйджевую затасканность. О том, что некоторые пространства устроены таким образом, что они не просто существуют в физическом мире — они взаимодействуют с тем, кто в них находится. Резонируют. Отвечают.

Первым написал Маркус. Он опубликовал в открытом разделе фотографию — чёрно-белую, размытую по краям, сделанную на плёнку. На фотографии был камень. Просто

камень: высотой около двух метров, покрытый лишайником, стоящий в некотором отдалении от леса на фоне затянутого облаками неба. Ничего особенного. Но под фотографией Маркус написал одно предложение:

«Я был здесь три раза, и каждый раз этот камень стоял чуть ближе, чем я его помнил.»

На следующий день его пригласили в закрытый раздел.

Потом появилась Катарина. Она не разместила фотографий. Она написала текст — сухой, почти клинический — о том, что хирургическое вмешательство в живые ткани обнаруживает нечто, чего нет ни в одном учебнике анатомии: момент, когда ткань ещё жива, но уже знает, что сейчас произойдёт. Не реагирует — именно знает. «Я ищу место, — написала она в конце, — где такое знание существует не как исключение, а как правило.»

За ней — Диогу, который утверждал, что в Синтре записал звук, который не должен был существовать: низкочастотный гул, возникающий строго в промежутке между четырьмя и пятью утра в определённых точках холма, и который его аппаратура фиксировала, но его собственные уши не слышали. Он загрузил спектрограмму. Несколько человек ответили, что видели похожие паттерны в других местах — Карнаке, Стоунхендже, на Мальте.

Гонсалу написал о геологии. Рикарду — о том, что один и тот же сюжет воспроизводится в мифологиях народов, никогда не имевших между собой контакта. Инес — о репродук-

тивной биологии растений и о том, что некоторые виды отказываются размножаться везде, кроме мест с определёнными геомагнитными характеристиками. Тиагу — о теологии молчания, о том, что средневековые монастыри строились не там, где было удобно, а там, где тело само начинало молчать.

Педру не написал ничего содержательного. Он просто появился — однажды, без предыстории — и начал задавать точные вопросы. Это тоже оказалось достаточным основанием.

Луиза написала о том, как играла Медею в постановке, где режиссёр настоял на том, чтобы репетиции проходили в руинах — не в декорациях под руины, а в настоящих, в заброшенном театре на окраине Порту. О том, что произошло с ней там и что она не может описать никакими словами, которые знает. О том, что с тех пор ей нужно возвращаться в такие места, потому что только там она чувствует, что её тело принадлежит именно ей.

Марта написала последней. Коротко: «Я работаю с мёртвыми телами. Иногда я думаю, что они знают что-то, чего не знают живые. Мне нужно место, которое могло бы это подтвердить или опровергнуть.»

Так сложились двенадцать.

Никто из них не произносил вслух слова «ритуал». Никто не говорил о порталах, о коллективном подсознательном, о том, что может произойти, когда двенадцать людей с определёнными типами восприятия оказываются ночью у одного из

старейших мегалитических комплексов Пиренейского полуострова. Они говорили о «экспедиции». О «полевом исследовании». Об «опыте присутствия в аномальном пространстве».

Но каждый из них — это стало ясно позже — знал.

Форум назначил встречу на конец марта. Лиссабон, аэропорт Умберту Делгаду, терминал один, зона прилёта. Маркус вылетал из Берлина. Катарина — из Мадрида. Диогу жил в Порту и приехал на поезде. Гонсалу — из Коимбры. Рикарду прилетел из Бухареста, Луиза — из Лондона, Инес — из Барселоны. Педру — никто не знал откуда, и никто не спросил.

В зале прилёта пахло кофе и озоном после дождя. Люди с чемоданами шли мимо, не глядя друг на друга. Двенадцать человек, которые провели вместе три года в текстовых сообщениях, стояли в нескольких метрах друг от друга и не узнавали.

Первой нашла всех Ана. Она стояла у колонны с маленькой камерой на шее — плёночной, старой, нелепой в этом аэропорту — и смотрела. Не на людей. Куда-то мимо людей, сквозь них, в то пространство, которое остаётся, когда все уходят.

— *Вы из форума?* — спросила она. *Не кого-то конкретного. Просто — в воздух.*

И все двенадцать обернулись одновременно.

Маркус потом скажет, что именно в этот момент — не у

камня, не у костра, а вот здесь, в аэропорту, под флуоресцентными лампами, среди тележек с чемоданами — он почувствовал: началось что-то. Что-то, для чего у него не было слова. Что-то, что не требовало слова.

Синтра ждала их. Она всегда ждёт.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СБОРКА

Глава 2. Каждый видит своё

§

Маркус смотрел на Синтру как на здание, которое разрушили неправильно.

Он знал этот тип восприятия — профессиональный, въевшийся в зрение за десять лет реставрации. Когда смотришь на старую кладку, ты видишь не поверхность, а слои: каждый век оставляет свой почерк в растворе, в форме камня, в угле наклона. Синтра была слоями, которые отказывались выстраиваться в хронологию. Дворец Пена торчал над лесом как восклицательный знак, поставленный не в конце предложения, а в середине — там, где предложение ещё не решило, о чём оно. Под ним шли леса: эвкалипты, завезённые в девятнадцатом веке и разросшиеся так, что задушили почти всё исконное; пробковые дубы, которые стояли здесь до дворцов и будут стоять после; папоротники, которые, по всей видимости, помнят время, когда динозавры были молодыми.

Автобус шёл серпантином, и каждый поворот открывал

новый ракурс — но Маркус замечал не пейзаж, а то, как пейзаж противоречит сам себе. Левый склон — сухой, каменистый, почти лунный. Правый — влажный, покрытый мхом такого интенсивного зелёного цвета, что казался нарисованным. Между ними — дорога, которую кто-то проложил не там, где удобно, а там, где необходимо, как будто у дороги была цель, которую она не сообщила строителям.

Он достал блокнот и начал зарисовывать. Не дворцы — линии. Контуры холмов, углы, по которым камни выходили из земли. Его рука двигалась быстрее, чем думала голова, и когда он посмотрел на страницу, то увидел план здания, которое невозможно построить: стены, уходящие в землю, фундамент, расположенный выше крыши, лестницы, ведущие в никуда с очевидной целью. Он вырвал страницу, скомкал, сунул в карман. Потом достал, разгладил и спрятал в блокнот.

§

Марта чувствовала запах раньше, чем автобус остановился.

Это был запах, который она знала по работе: влажный органический распад, но без патологии — не болезнь, не смерть, а что-то более нейтральное, то, что происходит с материей, когда никто не мешает. Листва, возвращающаяся в почву. Корни, взламывающие известняк. Грибница, которая знает о структуре холма больше, чем любой геолог, потому что она в этой структуре живёт.

Она открыла окно автобуса — другие этого не сделали — и вдохнула полностью. Запах был многослойным: верхний слой — эвкалипт, острый и медицинский, почти антисептический; под ним — пробковый дуб, сухой и немного кожаный; ещё глубже — что-то, чему она не знала названия. Что-то древнее. Не в романтическом смысле — в буквальном: запах, который существовал до того, как у людей появились слова для запахов.

Марта работала с мёртвыми телами семнадцать лет. За это время она выучила главное: тело не лжёт. Оно может молчать, может прятать, может быть неправильно прочитано — но в нём всегда есть правда, если знать, как искать. Синтра пахла как тело, которое давно умерло, но ещё не закончило говорить.

В её чёрном чемоданчике, который она поставила на полку над сиденьем, лежали инструменты. Скальпели, пинцеты, зеркальца. Она взяла их не потому, что планировала ими воспользоваться. Она взяла их потому, что без них чувствовала себя безоружной. Некоторые берут с собой фотографии близких. Марта брала инструменты.

§

Диогу снял наушники за три километра до Синтры.

Это было странно — он почти никогда их не снимал. Не потому что слушал музыку: наушники давно превратились в барьер, в архитектурный элемент личного пространства. Надетые наушники означали: я здесь, но меня нет. Снятые —

означали что-то, для чего он ещё не нашёл слова.

Синтра звучала.

Не метафорически — буквально. Холмы создавали акустический эффект, который он сразу начал анализировать: ветер в эвкалиптах давал высокочастотный шелест с нерегулярным паттерном, примерно как белый шум, но живой. Под ним — низкочастотный фон, который он чувствовал скорее грудью, чем ушами. Ещё ниже — что-то, что его аппаратура в прошлый раз зафиксировала, а он сам не слышал, и что сейчас, кажется, начинал слышать.

Он достал телефон и включил запись. Потом подумал и выключил. Некоторые вещи теряются, когда их записывают. Он знал это лучше, чем кто-либо: за пятнадцать лет работы со звуком он понял, что микрофон — это не ухо. Микрофон честен. Ухо — нет. И в этой нечестности уха — в способности слышать то, чего нет, и не слышать то, что есть — заключалось что-то, что он искал всю жизнь.

Синтра пела на частоте, которую он помнил. Не из прошлого визита — раньше. Из чего-то, что было раньше первого воспоминания.

§

Инес смотрела на деревья.

Точнее — на то, как они растут. Она была биологом, и деревья для неё были не пейзажем, а текстом: каждое искривление ствола рассказывало историю о ветре, о свете, о конкуренции за ресурс. Пробковые дубы на склонах Синтры росли

неправильно — не в смысле патологии, а в смысле направления. Большинство тянулись не к свету, а к чему-то другому, чему-то, что находилось не над ними, а рядом или даже под ними.

Она думала о корнях. О том, как корневые системы разных деревьев переплетаются под землёй и через грибницу обмениваются веществами — питательными, но не только. Сигнальными. Деревья предупреждают друг друга об угрозах, делятся ресурсами с больными соседями, распознают родственников. Лес — это не собрание отдельных организмов. Лес — это один организм, который принял решение быть множественным.

В кармане куртки лежал тест на беременность. Она купила его в аптеке в Лиссабоне, в первый же вечер, сразу после того, как разложила вещи в отеле. Купила — и не сделала. Каждое утро она доставала его, держала в руках и клала обратно. Не потому что боялась результата. Потому что результат изменит что-то, что пока можно не менять.

Синтра для неё пахла возможностью. Не будущим — именно возможностью: состоянием до того, как возможность стала реальностью или перестала ею быть.

§

Ана не смотрела в окно автобуса.

Она смотрела в видоискатель.

Плёночная камера — старый Rolleiflex, доставшийся от деда, который снимал им в шестидесятых и оставил несколь-

ко коробок неявленных плёнок, которые Ана так и не решилась проявить — была её способом замедлить мир до состояния, которое можно удержать. Через видоискатель всё становилось кадром: ограниченным, прямоугольным, неподвижным. Мир, который не двигается. Мир, который согласился остановиться.

Но в Синтре видоискатель вёл себя странно.

Не технически — плёнка была нормальной, механика исправна. Странность была в другом: когда она смотрела через камеру на холмы, она видела то, чего не было, когда смотрела без неё. Не галлюцинации — она не была склонна к ним и знала разницу. Просто детали, которые без камеры терялись: трещина в скале, повторяющая контур человеческого профиля. Мох, растущий в форме, которую нельзя назвать случайной. Тень дерева, которая не совпадала с углом солнца.

Она щёлкнула затвором четыре раза, не особенно выбирая. Плёнки оставалось мало, и она сэкономила. Но что-то говорило ей: сними. Сейчас. Пока это ещё здесь.

§

Тиагу молился. Тихо, про себя, словами, которые давно перестали быть словами и стали ритмом.

Он вышел из священства восемь лет назад — не из-за кризиса веры, а из-за чего-то противоположного: из-за слишком большой уверенности в том, что церковь и Бог — не одно и то же. Теперь он работал барменом в Порту, смешивал коктейли с такой же точностью, с какой когда-то смешивал вино

с водой для евхаристии, и иногда думал, что разницы меньше, чем кажется. Люди приходят к стойке бара по тем же причинам, по которым приходили к алтарю: им нужно что-то большее, чем они сами.

Синтра была для него местом, где молчание имело текстуру.

Он знал об этом из средневековых источников — читал их на латыни, потому что переводы всегда теряли что-то важное. Монахи-бенедиктинцы, выбиравшие места для монастырей, говорили о *locis sacris* — священных местах — не как о точках на карте, а как о состояниях пространства, в которых тело само начинает вести себя иначе. Дышит медленнее. Слышит иначе. Забывает о себе.

Когда автобус въехал в Синтру, Тиагу почувствовал, как что-то в груди — не сердце, что-то рядом с сердцем — слегка расслабилось. Как мышца, которую сжимали так долго, что она забыла, как это — не быть сжатой.

Он нёс в себе вину за грех, которого не совершал. Это было абсурдно, и он это знал, и знание не помогало. Синтра, может быть, поможет. Или не поможет. Но здесь хотя бы было достаточно молчания, чтобы вина звучала не так громко.

§

Гид — молодой португалец по имени Жоау, который вёл экскурсионные группы по окрестностям Синтры уже пять лет — был нанят форумом заочно, через рекомендацию. Он специализировался на том, что сам называл «неофициаль-

ной Синтрой»: маршруты в стороне от туристических троп, к объектам, которые не упоминаются ни в одном путеводителе.

Первое капище находилось в двадцати минутах пешего хода от парковки, по тропе, которую пришлось искать. Жоау знал, где она начинается — за старой каменной стеной, под деревом, на котором кто-то давно вырезал крест, уже почти поглощённый корой. Тропа шла через эвкалиптовый лес — прямой, как коридор, с высокими стволами без нижних ветвей — и выходила на небольшую поляну, со всех сторон окружённую кустарником.

В центре поляны стоял менгир.

Высотой примерно полтора метра, гранитный, слегка наклонённый к северу. Покрытый лишайником трёх оттенков: серым, оранжевым и почти белым. Вокруг основания — прижатая трава, как будто кто-то ходил здесь кругами совсем недавно. Никаких табличек. Никаких верёвочных ограждений. Просто камень, стоящий там, где он стоит уже несколько тысяч лет.

Двенадцать человек вышли на поляну и остановились.

Жоау начал рассказывать — дату предположительного создания, геологический состав, предполагаемую функцию. Никто его не слушал. Не из невежливости — просто каждый был занят своим.

Маркус медленно обходил камень, глядя на него под разными углами, как на конструкцию с нераскрытым принци-

пом. Марта стояла в двух шагах и дышала — осторожно, как в операционной. Диогу закрыл глаза. Инес опустилась на колени и потрогала траву у основания — не камень, именно траву. Ана сделала кадр. Тиагу стоял спиной к камню и смотрел на деревья.

Педру достал телефон и начал снимать на видео. Луиза наблюдала за остальными с таким выражением, которое Рикарду — стоявший чуть в стороне и делавший заметки в телефоне — описал бы как «актриса, изучающая роли, которые ей предстоит сыграть». Гонсалу достал маленький прибор — магнитометр — и начал делать замеры, двигаясь вокруг камня методично, как специалист. Катарина наклонилась так близко к поверхности, что почти касалась её носом.

— Здесь есть следы обработки, — сказала она негромко. — Видите? Вот эта плоскость — она не природная. Её выровняли.

— Чем? — спросил Гонсалу, не отрываясь от прибора.

— Другим камнем. Более твёрдым.

Это был первый содержательный обмен между ними за несколько часов. Что-то слегка сдвинулось — не в пространстве, в атмосфере. Они переставали быть двенадцатью людьми рядом друг с другом и становились чем-то, у чего пока не было имени.

София стояла поодаль от всех. Маркус заметил это — он заметил её раньше, в аэропорту, и с тех пор несколько раз ловил себя на том, что смотрит в её сторону. Не потому что

она была красивой — хотя была. Потому что у неё было выражение человека, который слушает то, что другие не слышат. Она стояла у края поляны и смотрела не на камень, а на пространство вокруг камня.

Потом она сказала — тихо, ни к кому конкретно:

— *Здесь что-то ждёт.*

Никто не ответил. Но все услышали.

§

Второй объект находился дальше и выше — на склоне, куда тропа поднималась через зону, где эвкалипты заканчивались и начинались пробковые дубы. Переход был резким, почти как порог: с одной стороны — светлый, почти стерильный эвкалиптовый лес с запахом камфары и сухими иглами под ногами; с другой — тёмный, влажный дубовый массив, где почва была мягкой и пружинила под весом, как будто под ней был слой воздуха.

Здесь пахло иначе. Глубже.

Гонсалу остановился на пороге и сказал — как будто сам себе:

— *Влажность меняется на двадцать процентов. За три метра. Это не климат. Это микрорельеф.*

— *Или что-то ещё,* — сказал Тиагу.

Гонсалу не ответил, но снова достал прибор.

Дольмен обнаружился не сразу — он был почти полностью скрыт кустарником, и только когда Жоау раздвинул ветви руками, открылась конструкция: три вертикальных кам-

ня, несущих четвёртый горизонтально, как стол. Внутри — маленькая камера, достаточно большая, чтобы в ней поместился один человек в позе эмбриона.

Марта опустилась на колени перед входом и заглянула внутрь.

— *Здесь кто-то лежал, — сказала она. — Не захоронение — слишком маленькое. Кто-то приходил сюда ложиться.*

— *Инкубация, — сказал Тиагу. — Ритуальный сон. Во многих традициях — способ получить видение или исцеление. Ты ложишься в священное место и ждёшь, что придёт.*

— *И что приходило? — спросила Инес.*

— *Зависело от того, с каким вопросом приходил человек.*

Внутри камеры, на одном из камней, Ана заметила линии — тонкие, явно нанесённые намеренно. Не рисунки, не письма. Просто линии, пересекающиеся под углами, которые не казались случайными. Она сфотографировала. Потом долго смотрела на то, что получилось в видоискателе, и думала, что через камеру линии выглядят иначе, чем глазами. Как будто между ними есть связь, которую прямой взгляд не улавливает.

Рикарду записывал. Он всегда записывал — это была привычка, которая давно перестала быть профессиональной и стала способом существования. Если событие записано, оно произошло. Если не записано — оно могло не произойти, и тогда его можно переписать. Он записывал: время, место,

объект, реакции людей. Но когда он перечитал написанное, то обнаружил фразу, которую не помнил, как писал:

«Они уже здесь были. Все. Отдельно. До этого момента.»

Он посмотрел на фразу долго. Потом зачеркнул её. Потом обвёл.

§

Они вернулись в Синтру перед закатом. Город встретил их туристами, кафе, запахом пасте-де-ната из открытых дверей кондитерских. Нормальная реальность, тёплая и съедобная.

Они поужинали в ресторане на главной улице — длинный стол, двенадцать человек, первый общий ужин. Говорили много, перебивали друг друга, спорили о капищах, о датировках, о том, что именно означают линии на камне в дольмене. Педру молчал и ел. Луиза наблюдала и смеялась в нужных местах с точностью, которую Рикарду снова отметил про себя.

Маркус сидел напротив Софии. Они почти не разговаривали — но несколько раз их взгляды встречались поверх тарелок и разговоров, и каждый раз Маркус чувствовал что-то, что не мог назвать. Не влечение — точнее, не только оно. Ощущение, что этот человек знает что-то о нём, чего он сам ещё не знает.

После ужина они вышли на улицу. Воздух остыл. Над дворцом Пена, который светился вдали на холме как ненастоящий, висела луна — почти полная, с одним затемнённым краем, как монета, которую долго носили в кармане.

— *Послезавтра — кромлех, — сказал Жоау. — Выходим в девять вечера. Дойдём к полуночи.*

Никто не спросил, зачем к полуночи. Все знали.

Маркус остался на улице, когда остальные разошлись по гостиницам. Он стоял и смотрел на дворец — на его невозможную розово-жёлтую громаду, торчащую из тёмного леса, — и думал о том, что любое строительство есть форма ностальгии. Мы строим то, чего нет, потому что то, что есть, нас не удовлетворяет. Мы воспроизводим прошлое, которого никогда не было. Мы создаём декорации для воспоминаний, которые не случались.

Под холмом, в темноте за дворцами, стояли камни. Без декораций. Без ностальгии. Просто стояли — там, где их поставили люди, у которых не было слов для того, что они делали, но было знание, которого не хватает нам.

Маркус достал из кармана скомканный рисунок — тот, который сделал в автобусе и не смог выбросить. Расправил, посмотрел при свете фонаря. Здание, которое невозможно построить. Фундамент выше крыши. Лестницы в никуда.

Потом он понял, что это не здание.

Это карта. Карта чего-то, что уже существует.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СБОРКА

Глава 3. Накануне

День перед ритуалом начался с тумана.

Не метафорического — буквального: плотного атлантического тумана, который пришёл с запада ночью и к утру укутал холмы так, что дворец Пена исчез полностью, и только его подсвеченный силуэт угадывался в молочной белизне как воспоминание о чём-то, что, возможно, никогда не существовало. Улицы Синтры были пусты. Туристы ещё спали или уехали — был вторник, будний день, конец марта, и обычная Синтра в это время года принадлежала себе.

Маркус вышел из гостиницы в половине восьмого. Он не спал с четырёх — лежал и думал о рисунке, который так и не смог выбросить, о карте, которая не была картой, пока не стала ею. В кармане куртки лежал блокнот. Он шёл без цели, просто шёл, и туман делал это правильным — в тумане направление теряет смысл, остаётся только движение.

У фонтана на центральной площади он обнаружил Диогу. Тот сидел на каменном бортике, без наушников, с закрытыми глазами. В руках — маленький диктофон, включённый. Маркус остановился в нескольких шагах, не желая мешать. Диогу открыл глаза — не потому что услышал шаги, а как будто почувствовал присутствие иначе.

— *Туман звучит, — сказал он без предисловий. — Каждая капля — это отдельная частота. Вместе — это хор. Но хор без дирижёра, и поэтому он случайный. А случайное — это не то же самое, что бессмысленное.*

— *Ты давно здесь?* — спросил Маркус.

— *С пяти. Здесь лучшие слышно, чем в номере.*

Они посидели рядом молча. Туман двигался — медленно, как мысль, которая ещё не стала словом. Потом Диогу сказал:

— Ты заметил, что Педру никогда не смотрит на капища? Он снимает всех нас. Только нас.

Маркус подумал. Это была правда, которую он видел, но не осознал.

— Может, его интересуют люди, а не камни.

— Может. — Диогу выключил диктофон. — Или камни его не интересуют, потому что он уже знает, что там.

§

Жоау назначил последнюю экскурсию на полдень. Третий объект — самый отдалённый, самый труднодоступный — находился на северном склоне Serra de Sintra, куда вела не тропа, а направление: туда, где деревья расступались не потому что их вырубали, а потому что они сами решили расступиться.

Туман к полудню не рассеялся — только поднялся выше, лёг на кроны, и под ним образовался странный световой эффект: рассеянный, без теней, почти без источника. Каждый предмет отбрасывал не тень, а своё отсутствие.

Кромлех — не тот, к которому они шли ночью, другой, меньший, безмянный — открылся внезапно, как открываются вещи, которые не прятались, а просто ждали, когда на них обратят внимание. Девять камней, стоящих кругом диаметром около восьми метров. Некоторые накренились, неко-

которые упали и лежали так, как упали — никто их не поднимал. В центре круга — ничего. Просто земля, примятая и тёмная, как будто что-то тяжёлое стояло здесь долго и ушло недавно.

Гонсалу сразу достал магнитометр. Прибор повёл себя странно: показания скакали в диапазоне, который он не видел на предыдущих объектах. Он прошёл круг трижды, методично, и каждый раз данные были другими.

— *Это невозможно, — сказал он негромко. — Гранит не меняет магнитных характеристик. Он стабилен.*

— *Ты уверен, что измеряешь гранит? — спросила Катарина.*

Гонсалу посмотрел на неё. Потом на прибор. Потом снова на неё.

— *Нет, — сказал он. — Я измеряю поле. Поле — это не камень.*

Катарина вошла в круг первой. Она делала это осознанно — Маркус видел, как она секунду стояла у черты, которую нельзя было увидеть, но можно было почувствовать, и потом переступила. Внутри она остановилась, закрыла глаза, положила руки вдоль тела. Потом сказала, не открывая глаз:

— *Здесь что-то давит на грудную клетку. Не тяжесть — давление. Изнутри.*

— *Это инфразвук, — сказал Диогу. — Низкочастотные волны создают физиологический эффект. Давление в грудной клетке, тревогу, иногда — ощущение присутствия. Это*

задокументировано.

— Я знаю, что это задокументировано, — ответила Катарина, не открывая глаз. — Я хирург. Я знаю, что такое физиологический эффект. Это не он.

Тишина, которая последовала, была другого качества, чем тишина до этой фразы.

Постепенно, по одному, все вошли в круг. Кроме Педру — он остался снаружи с телефоном и снимал. И кроме Рикарду, который стоял на границе и записывал, но потом, не заметив сам, обнаружил, что уже внутри.

Маркус встал в центре. Земля под ногами была мягкой, как будто под ней был слой чего-то живого. Он смотрел на камни — девять камней, некоторые его роста, некоторые ниже — и думал о том, что круг — это единственная геометрическая фигура, у которой нет начала и нет конца. Не потому что она бесконечна — она очень конечна, у неё есть чёткая граница. Просто внутри этой границы нет иерархии точек. Все точки равноудалены от центра. Все точки равнозначны.

Он подумал: двенадцать человек. Девять камней. Числа не совпадают. Потом подумал: зачем они должны совпадать.

Инес наклонилась и взяла горсть земли из центра круга. Просто взяла — не объясняя, никому не показывая. Сжала в кулаке. Маркус заметил это, но ничего не сказал.

Ана не фотографировала. Она стояла с опущенной камерой и смотрела — просто смотрела, без видоискателя, без рамки. Потом сказала тихо, как будто продолжала мысль

ВСЛУХ:

— *Здесь кто-то умер. Не давно — вообще. Здесь умира-
ние — это функция места, а не событие.*

— *Все священные места построены вокруг смерти, —
сказал Тиагу. — Это не метафора. Смерть — это един-
ственное, что объединяет всех людей независимо от языка,
культуры, времени. Капища строили там, где это единство
можно было почувствовать.*

— *Почувствовать или использовать?* — спросила Луиза.
Это был первый раз, когда она задала вопрос, а не повто-
рила чужой.

Никто не ответил. Туман шевельнулся — или им показало-
сь.

§

Они вернулись в гостиницу в три. До выхода к кромлеху
оставалось шесть часов.

Это время каждый провёл по-своему, и то, как они его
провели, сказало о них больше, чем три дня экскурсий.

Маркус сидел в номере и перерисовывал карту. Он уже не
пытался понять, что она изображает — он просто позволял
руке двигаться. Страница за страницей, один и тот же план,
каждый раз чуть иначе. К пятому варианту он понял, что
рисует одно и то же здание с разных сторон. К десятому —
что это не здание и не карта, а что-то вроде нотной записи
для архитектуры, которой не существует.

Марта спала. Глубоко, без сновидений — она умела это,

профессиональный навык людей, которые работают с конечностью: спать там, где можно, столько, сколько можно, потому что неизвестно, когда следующий раз.

Диогу записывал. Он разложил на кровати ноутбук, наушники, внешний диск и работал — не с синтрийскими записями, а со старыми, которые привёз с собой. Искал что-то. Несколько раз останавливался, перематывал, слушал один и тот же фрагмент снова. Потом закрыл глаза и долго сидел неподвижно.

Инес приняла душ, оделась, достала тест из кармана куртки, положила на край раковины. Смотрела на него пять минут. Убрала обратно.

Ана проявляла — не в лаборатории, у неё не было оборудования, она просто держала уже готовые контактные отпечатки предыдущих плёнок и смотрела на них в разном свете. Фотография камня с первого капища. Линии в дольмене. Туман утром у фонтана, который она сняла случайно, нажав затвор, когда думала, что опускает камеру. На этой последней фотографии был кто-то — силуэт в тумане, у фонтана. Не Маркус, не Диогу. Кто-то, кого она не помнила.

Тиагу писал. Не молитву — письмо. Кому, он не решил, но писал: о грехе, который не совершал, о прощении, которое не мог принять, потому что не принял его тот, кто был должен. О том, что завтра — или уже сегодня ночью — он скажет это вслух. Первый раз в жизни — вслух, не богу, не исповеднику, а двенадцати незнакомцам у костра. И поче-

му-то именно это казалось правильным.

Педру вышел из гостиницы сразу после возвращения и не появлялся до ужина. Никто не знал, где он был. Когда его спросили — мягко, вскользь, — он ответил: «Гулял». Это был исчерпывающий ответ, и все приняли его как исчерпывающий, хотя никто в него не верил.

Луиза репетировала.

Она не могла не репетировать — это было глубже привычки, глубже профессии, это было структурой мышления. Перед любым важным событием она проигрывала его заранее: не как сценарий, а как пространство возможных реакций. Что она скажет у костра? Какое желание назовёт? Какую версию себя предьявит этим людям?

Проблема была в том, что ни одна версия не казалась настоящей. Не потому что она лгала — она никогда особенно не лгала, это было неинтересно. А потому что настоящей версии не было. Была только следующая роль, и следующая, и следующая — и где-то за ними, в точке, которую она никак не могла нащупать, должна была находиться та, которая не роль.

Рикарду перечитывал написанное за три дня. Хронология событий, детали, диалоги. Потом перечитал фразу, которую не помнил, как написал — «они уже здесь были, все, отдельно, до этого момента» — и рядом с ней увидел ещё одну, тоже обведённую, тоже не свою:

«Тринадцатый не придёт. Он уже здесь.»

Он не помнил, когда написал это. Он не помнил, как.

§

Ужин был коротким и странным.

Они сидели за тем же столом, что вчера, но говорили меньше. Не потому что нечего было сказать — потому что слова начали казаться неточным инструментом для того, что происходило. Как будто за три дня они выработали какой-то другой способ коммуникации, более экономный, и возвращаться к речи было неловко.

Катарина сказала, что то давление внутри груди — которое она почувствовала в кромлехе — не прошло. Оно изменилось: стало менее физическим и более похожим на предчувствие. Она говорила об этом профессиональным голосом, как на консилиуме, и именно эта профессиональность делала сказанное убедительным.

— Я не верю в предчувствия, — добавила она. — Я верю в данные. Это данные.

— Тело — это тоже данные, — сказал Гонсалу.

— Тело — это самые ненадёжные данные из всех существующих, — ответила Катарина. — Именно поэтому я к ним прислушиваюсь.

София за весь ужин не сказала ничего. Она ела, слушала, иногда смотрела на кого-нибудь с таким выражением, как будто слышала не слова, а что-то под словами. Маркус поймал её взгляд один раз и не смог понять, смотрит ли она на него или сквозь него — и разница между этими двумя вари-

антами казалась в тот момент важнее, чем обычно.

Перед тем как встать из-за стола, Жоау сказал — негромко, обращаясь ко всем сразу:

— *Кромлех, к которому мы идём сегодня ночью, — он не в списках. Официально его не существует. Я нашёл его сам, три года назад, случайно. С тех пор я водил туда несколько групп. Разных людей. Исследователей, медиумов, просто любопытных.*

— *И что происходило?* — спросил Рикарду.

Жоау помолчал.

— *Разное. Но одно было всегда: никто не уходил оттуда таким же, каким пришёл. — Он встал. — Выходим в девять. Одевайтесь тепло. И — одно условие, которое я прошу соблюдать: что бы вы ни увидели, не уходите из круга в одиночку.*

Он вышел. За столом на секунду стало тихо.

— *Он нас пугает,* — сказал Педру. *Впервые за вечер — и голос у него был не испуганный, а почти скучающий, как у человека, который видит манипуляцию и считает её ниже своего уровня.*

— *Нет,* — сказала Марта. — *Он нас предупреждает. Это разные вещи.*

§

В девять они собрались у выхода из гостиницы.

Двенадцать человек в тёмной одежде, с фонарями, с рюкзаками. Нормальная туристическая группа, направляющая-

ся на ночную экскурсию. Если бы кто-нибудь посмотрел на них со стороны, он, скорее всего, не заметил бы ничего особенного.

Но никто не смотрел. Синтра спала. Туман вернулся — не такой плотный, как утром, полупрозрачный, живой. В нём светились фонари города, размытые и удвоенные, как будто у каждого источника света была тень, которая тоже светилась.

Жоау шёл впереди. За ним — остальные, без определённого порядка, кроме одного: Педру шёл последним. Всегда последним. Маркус заметил это на всех трёх экскурсиях. Педру никогда не шёл в середине, никогда рядом с кем-то конкретно. Всегда последним — так, чтобы видеть всех.

Тропа уходила вверх, в лес. Фонарики мигали между стволами. Где-то в темноте кричала ночная птица — один раз, потом тишина.

Маркус шёл и думал о рисунке. О карте, которая не была картой. О здании, которое невозможно построить. О том, что некоторые конструкции существуют не для того, чтобы в них жить, а для того, чтобы через них проходить.

Впереди, в темноте между деревьями, появился просвет. Кромлех.

Они остановились на краю поляны и смотрели. Камни стояли в темноте — большие, плотные, без лишайника этого, в отличие от дневных объектов, гранит здесь был почти чёрным, как будто впитал всю темноту, которая накопилась вокруг него за тысячелетия.

В центре круга кто-то уже развёл костёр.

Маленький, аккуратный — не туристический, а точный, как будто размер и форма пламени имели значение. Оранжевый свет ложился на камни и делал их живыми.

— *Кто это сделал?* — *спросила Ана.*

Жоау улыбнулся — первый раз за вечер.

— *Место само готовится, когда знает, что придут.*

Никто не переспросил. Они вошли в круг.

И костёр встретил их — не теплом, не светом, а чем-то третьим, для чего у них пока не было слова, но которое каждый из двенадцати узнал немедленно, как узнают запах дома после долгого отсутствия: не радостью, не покоем, а простым и абсолютным ощущением: я здесь. Я наконец здесь.

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОСТЁР

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОСТЁР

Глава 4. Желания

Костёр горел так, как не должен гореть костёр.

Не в смысле нарушения законов физики — дрова были настоящими, пламя было настоящим, тепло было настоящим. Но в нём не было хаоса, который есть в любом огне: случайных выбросов, неравномерного мерцания, борьбы между разными частями пламени за воздух и топливо. Этот

огонь горел ровно. Геометрически ровно, как будто у него был план, и он его придерживался.

Они расселись вокруг — не по кругу, это получилось само, без чьей-либо инициативы. Между ними и камнями кромлеха оставалось несколько метров. Камни стояли снаружи, костёр горел внутри, и двенадцать человек сидели между тем и другим: между древним и горящим.

Жоау остался стоять. Он был единственным, кто не сел.

— *Правила*, — сказал он. *Не «напомню правила», просто «правила».* — *Каждый говорит одно желание. Не мечту, не цель. Желание — это то, что существует в вас раньше, чем вы его осознаёте. То, что вы не выбирали иметь, но имеете. Условия три. Первое: желание должно быть невысказанным. Не то, что вы рассказывали другим — то, что вы едва признаёте себе. Второе: оно должно быть адресовано прошлому, а не будущему. Мы не загадываем желания здесь — мы называем то, что уже есть. Третье: оно не должно быть социально приемлемым. Если вам не стыдно его произносить — это не оно.*

Тишина.

— *Я начну*, — сказал Жоау. — *Чтобы показать, что это возможно. Моё желание — исчезнуть для одного человека. Стать невидимым для того, кому я причинил боль, потому что мне не хватает смелости попросить прощения, а жить с его взглядом я не могу. Я хочу, чтобы он забыл, что я существую.* — Пауза. — *Вот. Это желание. Теперь — вы.*

Молчание растянулось на несколько секунд. Костёр горел ровно.

— Я, — сказала Марта.

§

Марта говорила без подготовки, не глядя ни на кого — в огонь.

— Я хочу воскресить один момент. Не человека — момент. Мне тридцать восемь лет, и за эти годы у меня был один момент, в котором я была полностью живой — не в биологическом смысле, а в том смысле, когда всё, что ты есть, совпадает с тем, что происходит вокруг тебя. Этот момент длился, наверное, семь секунд. Потом его не стало. Я не могу его вспомнить точно — я помню только, что он был, и что больше такого не было. Я хочу вернуться туда. Не жить там — просто побыть. Семь секунд.

Костёр не изменился. Но что-то в воздухе изменилось — стало плотнее, как перед грозой.

— Я, — сказал Тиагу.

§

— Я хочу прощения за грех, которого не совершал.

Он говорил медленно, как будто каждое слово проходило проверку перед тем, как выйти.

— Восемнадцать лет назад один человек сказал мне, что я виновен в его несчастье. Это было неправдой. Я знал, что это неправда. Я до сих пор знаю. Но я нёс это как правду — потому что часть меня, которая не умеет не верить лю-

дям, приняла его слова как приговор. Я ушёл из священства. Я сменил три города. Я смешиваю коктейли и слушаю чужие истории, и иногда думаю, что делаю именно то, что делал за алтарём — просто теперь без Бога как посредника. Но вина осталась. Я хочу, чтобы кто-то — не тот человек, он не может, он умер — кто-то сказал мне: ты не виноват. И чтобы я услышал. По-настоящему услышал.

Никто не сказал этих слов. Но никто и не отвёл взгляда.
— Я, — сказала Инес.

§

— Я хочу ребёнка от отца, которого у меня не было.

Она сказала это просто, без интонации, как факт.

— Мой отец ушёл, когда мне было четыре. Я его почти не помню — только запах и то, что он был большим. Я выросла, и у меня сложился образ — не воспоминание, а конструкция: каким должен был быть отец. Идеальный отец. Я знаю, что это невозможно — он не существует. Но я хочу ребёнка, который был бы рождён от этого невозможного человека. Не потому что мне нужен отец для ребёнка. Потому что я хочу создать жизнь, в которой с самого начала будет то, чего у меня не было. Я хочу передать то, чего не получала.

Она замолчала. В кармане куртки лежал тест на беременность. Она не сказала об этом.

— Я, — сказал Диогу.

§

— Я хочу услышать звук, который слышал до рождения.
Пауза. Костёр.

— Я знаю, как это звучит. Я сам работаю со звуком, я знаю, что интраутеринная акустика — это задокументированный феномен: плод слышит, начиная с шестого месяца, биение сердца матери, её голос, внешние звуки. Это не мистика — это физиология. Но я не про это. Я про другое: у меня есть воспоминание о звуке, который не мог существовать физически. Не сердцебиение, не голос. Что-то другое. Звук, в котором всё остальное было возможно. Я провёл пятнадцать лет, записывая звуки по всему миру, и иногда — несколько раз — я слышал что-то, что было очень близко. Здесь, в Синтре, ночью, я слышу его ближе всего. Я хочу добраться до источника. Я хочу услышать его полностью — один раз, до конца.

Он замолчал. Потом добавил тише:

— После этого я, наверное, больше не смогу заниматься музыкой. Но это нормально.

— Я, — сказала Гонсалу.

§

— Я хочу найти центр.

Он сказал это так, как формулируют задачу исследования — чётко, без украшений.

— Не географический центр, не геологический. Метафизический центр — точку, в которой сходится всё. Я геолог. Я занимаюсь тем, что изучаю структуры — как устроена

земля, как слои залегают друг на друге, как разломы определяют то, что происходит на поверхности. Но под всеми структурами есть что-то, чего я не нашёл ни в одном учебнике и ни на одной карте. Точка начала. Не Большой взрыв — я говорю не о физике. Точка, в которой «есть» отличается от «нет», в которой материя решила быть материей, а не чем-то другим. Я хочу её найти. Я думаю, что такие места, как это, — ближе всего к ней.

— Я, — сказала Катарина.

§

— Я хочу разрезать реальность и посмотреть, что внутри.

Она говорила без иронии. Это была не метафора.

— Я хирург. Моя работа — это вскрытие. Ты берёшь скальпель, ты делаешь разрез, и под поверхностью обнаруживается то, что снаружи было невидимо: анатомия. Структура. Правда тела. Я хочу сделать то же самое с тем, что называется реальностью. Я хочу найти место разреза — линию, по которой она сшита, — и посмотреть, что за ней. Не потому что я не верю в реальность. Я верю. Но я знаю, что у всего, что существует, есть изнанка, и я хочу её видеть.

— Я, — сказал Педру.

§

Педру долго молчал — настолько долго, что Маркус подумал, что он откажется. Потом сказал:

— Я хочу перестать хотеть.

Пауза.

— У меня есть всё. Не в переносном смысле — буквально: деньги, свобода, время, возможности. Я получал всё, что хотел получить, и каждый раз, когда получал, хотел следующего. Это не жадность — жадность это когда не хватает. У меня другое: когда получаешь, становится пусто. Желание исполняется — и на его месте сразу возникает следующее, потому что пустота невыносима. Я хочу остановить этот механизм. Не иметь меньше — перестать быть машиной, которая производит желания, чтобы не чувствовать пустоту. Я хочу один раз почувствовать пустоту — и не убежать от неё.

Тишина после этого была другой — не uncomfortable, а точной.

— Я, — сказала Луиза.

§

— Я хочу стать кем-нибудь настоящим.

Она улыбнулась — не потому что было смешно, а потому что формулировка показалась ей самой абсурдной.

— Я актриса. Я умею быть кем угодно. Я могу быть вами, — она посмотрела на Марту, — или вами, — на Тиагу, — или вами. Я делаю это хорошо. Но я не умею быть собой. Не потому что там ничего нет — я не знаю, есть ли там что-нибудь, потому что никогда не была достаточно долго, чтобы проверить. Каждый раз, когда я начинаю быть

собой, что-то во мне замечает, как это выглядит со стороны, и начинает это играть. Я хочу один раз — один раз в жизни — быть в ситуации, в которой некому смотреть и нечего играть. Где я просто есть.

— Я, — сказал Рикарду.

§

— Я хочу оказаться внутри истории, которую не я придумал.

Он говорил профессионально — как человек, привыкший формулировать.

— Я пишу триллеры. Двадцать лет. Восемнадцать книг. Я придумываю миры и сажаю в них людей, и они делают то, что я им говорю делать — даже когда мне кажется, что они живут сами. Но я всегда знаю, что они делают то, что я им говорю. Я хочу противоположного. Я хочу быть персонажем. Я хочу, чтобы кто-то другой — кто угодно, кто угодно — поместил меня в ситуацию, которую я не контролирую, и посмотрел, что я буду делать. Не как эксперимент. Как жизнь. Я хочу не знать, что будет дальше. Я никогда этого не знал — в жизни. Только в книгах.

— Я, — сказала Анна.

§

— Я хочу остановить время.

Она сказала это тихо и сразу добавила:

— Не метафорически. Я знаю, что это невозможно. Но желание не спрашивает о возможности — оно просто есть.

Мне девятнадцать лет, и я уже чувствую, как всё уходит. Не медленно — постоянно, непрерывно, каждую секунду. Этот момент, сейчас, этот огонь, эти лица — через час это будет прошлым, через год — воспоминанием, через двадцать лет — если вообще останется — чем-то, чему я не буду верить, что это было. Я фотографирую, потому что фотография — это попытка. Но фотография это не остановка — это доказательство, что время шло. Я хочу настоящей остановки. Один кадр, который никогда не станет следующим.

— Я, — сказала София.

§

София говорила в огонь, и когда она начала, Маркус понял, что ждал этого с того момента, как она сказала «здесь что-то ждёт» у первого камня.

— Я хочу исчезнуть.

Пауза. Она продолжила — спокойно, как клиницист.

— Я психолог. Я работаю с людьми, которые страдают от того, что их слишком много — для себя, для других, для мира. Я умею помогать им становиться меньше, тише, приемлемее. Это моя работа. Но я сама — слишком много. Я всегда чувствую всё, что чувствуют люди вокруг меня, как будто между нами нет кожи. Я слышу то, что они не говорят. Я вижу то, чего они не показывают. Это не дар — это избыток, и он меня изматывает. Я хочу раствориться. Не умереть — я говорю не о смерти. Я хочу стать частью

чего-то большего, где «я» — это не отдельная болезненная точка, а просто вибрация в общем поле. Хотя бы ненадолго.

Тишина.

Маркус был последним.

§

Он не готовил слов. Он думал, что подготовит — пока шли, пока другие говорили. Но слова, которые он приготовил, оказались неправильными, и когда пришла его очередь, он отпустил их и сказал то, что было.

— Я хочу стать свидетелем собственного невинного восприятия.

Он помолчал, потом объяснил — не потому что нужно было объяснять, а потому что сам только сейчас понимал:

— Я архитектор. Я занимаюсь реставрацией — возвращаю зданиям то, чем они были. Но я не знаю, чем были вещи до того, как я начал их видеть именно так, как вижу. Я помню себя в детстве: я смотрел на здания, на камни, на пространство — и видел что-то, чему не было названия. Потом появилось образование, профессия, язык. И то, чему не было названия, получило названия, и исчезло. Я хочу вернуться в точку до того, как у меня появился язык для того, что я вижу. Не чтобы остаться там — чтобы побыть свидетелем. Посмотреть на то, что есть, без того, что я знаю.

Он замолчал.

Костёр горел.

И тогда произошло первое.

§

Цвет изменился.

Не резко — постепенно, как меняется цвет неба на закате: сначала думаешь, что тебе кажется, потом понимаешь, что нет. Оранжевое пламя приобрело зеленоватый оттенок. Потом — синеватый. Потом стало тем цветом, которому нет точного названия в обычном словаре: цветом между синим и зелёным, который бывает в глубокой воде или в старом стекле.

Диогу первым понял, что слышит что-то, что не было здесь секунду назад. Не звук леса, не потрескивание огня — что-то под ними, глубже, на частоте, которую он искал пятнадцать лет. Он не достал диктофон. Он просто сидел и слушал.

Гонсалу посмотрел на камни. Камни стояли так же, как стояли. Но пространство между ними изменилось — стало менее пустым, что ли. Как будто что-то, что всегда было там невидимым, начало становиться видимым — не образом, а присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.